

Ань Но и представить не мог, что Бай Ичэнь совсем не умеет пить! Где это видано, чтобы парня выворачивало с одной-единственной бутылки пива? Сяо Бай, едва держась на ногах, вис на Ань Но мертвым грузом и, согнувшись в три погибели у обочины, мучительно опорожнял желудок.

Ань Но похлопывал его по спине, не зная, то ли злиться, то ли смеяться.

— Знал бы — не повел бы тебя в «Цзиньдинсюань». Ужин в несколько сотен обошелся, а ты всё псу под хвост... Какое расточительство!

Бай Ичэнь бросил взгляд на плоды своих мучений, и от слов Ань Но ему стало совсем тошно — его снова скрутило. Ань Но протянул ему бутылку минералки. Бай Ичэнь прополоскал рот, а остатки воды вылил себе на макушку.

— Сяо Бай, давай я отвезу тебя домой. Тебе нужно проспать, — предложил Ань Но. Больше всего на свете он не любил возиться с пьяными, будь они хоть в стельку, хоть навеселе.

— Угу, — промычал тот. Голова у Сяо Бая шла кругом, и единственным его желанием было поскорее добраться до кровати.

Глядя на него, Ань Но не выдержал и хмыкнул:

— Ну и в кого ты такой? С одной бутылки — и в аут. Девчонки и те покрепче будут!

— Ой, кто бы говорил... Алкоголики! — обиженно буркнул Бай Ичэнь. — Я за всю жизнь и четырех бутылок не выпил...

— Ты что, вообще никогда не пил?! — Ань Но замер от удивления.

В нынешние времена дети взрослеют рано: уже в средней школе стайками отираются у уличных лотков, заказывая гору закусок и ящик пива. Обычно после трех-четырех бутылок у них даже румянец не проступает. А тут перед ним восемнадцатилетний парень, который уже всю жизнь вертится во взрослой жизни, но при этом ни капли в рот не берет!

В глазах Ань Но статус Бай Ичэня мгновенно взлетел до «золотого ребенка». Не курит, не пьет, учится на отлично, работающий, в общении приятен, да еще и с мечтой в сердце. Красавец, каких поискать... Будь у Ань Но сын, и будь он хотя бы в половину так хорош, он бы решил, что жизнь прожита не зря.

Сам Ань Но — опер, боец уголовного розыска, да еще и внедренец! Насмотрелся на подонков, воров да бандитов, сам за годы службы набрался наглости и резкости. И вот так, внезапно, встретить чистого, искреннего мальчишку было для него всё равно что выйти к чистому источнику после долгой дороги по пустыне. Ань Но невольно притянул Бай Ичэня к себе, крепко обнял за плечи и одобрительно похлопал по спине:

— Молодец. Бай Ичэнь, ты правда замечательный парень!

Оказавшись в объятиях Ань Но, Бай Ичэнь вдруг почувствовал, как к горлу подступил комок. Никогда в жизни его так не обнимали — тепло, бережно. Никогда никто не хвалил его просто так. В эту ночь всё было впервые: впервые кто-то ждал его до рассвета, впервые кто-то называл его так ласково, впервые его обнимали с искренней нежностью и говорили, что он «хороший».

И Бай Ичэнь не выдержал — заплакал. Все обиды, все горести, которые он так долго копил в себе, прорвали плотину. Как бы он ни убеждал себя, что испытания лишь закаляют характер, сейчас ему было невыносимо жаль себя. Почему другие — любимцы родителей, а у него только мать, да и та вечно холодна к нему? Почему у других детство — это игры и забота, а у него — кухня и плита с первого класса? Почему другие в юности рубятся в компьютерные игры, а он — вкалывает после уроков? Почему другие, поступив в университет, празднуют победу, а он, пройдя в лучший вуз страны, вынужден брать академический отпуск, чтобы заработать на учебу?

К черту закалку! Он не хотел быть мечом, он просто хотел быть обычным, ничего не смыслящим в жизни мальчишкой.

Бай Ичэнь уткнулся лицом в грудь Ань Но и беззвучно зарыдал, содрогаясь всем телом. Ткань рубашки мгновенно промокла. Горячие слезы обжигали кожу Ань Но, и его собственное сердце сжалось от этой боли.

Еще когда он просматривал личное дело Бай Ичэня, в груди поселилось это щемящее чувство, но сейчас оно стало невыносимым. Он обнял парня еще крепче. Этот ребенок слишком много натерпелся. Такой правильный, такой искренний — и такой несчастный. Сегодняшняя ночь стала последней каплей: за внешним спокойствием скрывался перепуганный до смерти мальчишка...

Ань Но молчал, давая ему выплакаться. Когда всхлипы понемногу затихли и Бай Ичэнь, смущенно шмыгая носом, поднял голову, Ань Но ладонью вытер его мокрое лицо и улыбнулся:

— Глупый мальчишка... Ладно, пойдем. Скоро рассвет.

Он не стал расспрашивать о причинах слез, не сыпал дежурными утешениями. Просто назвал его «глупым мальчишкой», и в этом слове было больше близости, чем в любой долгой речи. Бай Ичэнь подумал, что встреча со старшим братом Ань Но — величайшая удача в его жизни.

Устроившись на заднем сиденье мотоцикла, Бай Ичэнь крепко обхватил Ань Но за талию. После слез на душе стало удивительно легко. Теперь он не один. Теперь у него есть старший брат.

Ань Но чувствовал через тонкую ткань куртки, с какой силой Бай Ичэнь вцепился в него. Хватка была такой крепкой, что стало трудно дышать. Решив, что парень боится скорости, он

сбросил газ, но тут же услышал недовольное ворчание за спиной: «Слишком медленно». Когда он снова прибавил скорости, Бай Ичэнь прижался к его спине еще плотнее. Ань Но кожей чувствовал его сердцебиение — частое, живое.

Собственный пульс Ань Но тоже участился. Тепло, исходившее от парня, разливалось по телу, вызывая непреодолимое желание снова прижать его к себе. Он вспомнил, как в кабинете начальника управления они обсуждали подозрения в адрес Бай Ичэня, и его снова накрыло волной вины. Пока он сидел в тепле, этот ребенок в одиночку противостоял «Лику ужаса» Сунь Фэну в холодной допросной...

«Бай Ичэнь — это правда опасно», — подумал Ань Но.

Мотоцикл замер у ворот жилого комплекса. Ань Но знал, что это не тот адрес, который значится в документах, и как бы невзначай спросил:

— Сяо Бай, ты здесь живешь?

— Угу, — уклончиво ответил тот. — Брат Ань, я сам дойду. Тебе тоже пора, поздно уже.

Ань Но сразу заметил, как парень уходит от темы дома. Благодаря полицейским базам он знал всё: Бай Ичэнь рос без отца, мать недавно умерла, а квартиру они продали за бесценок еще в прошлом году. Ему было чертовски любопытно, где же на самом деле живет этот парень? В какой дыре он обитает, если готов спать на рваном диване в подсобке бара, лишь бы не возвращаться к себе?

Бай Ичэню не хотелось расставаться. Слова так и вертелись на языке: «Брат Ань, зайди, выпей чего-нибудь холодного, ты весь взмок». А потом: «Уже почти утро, оставайся у меня, перекантуешься до рассвета... Ты же пил, опасно за рулем в таком состоянии». Ему так хотелось почувствовать, что у него есть семья. Ведь дом — это там, где тебя ждут близкие, а то место, где он жил сейчас, было просто четырьмя стенами.

Но он промолчал. Он ни за что не позволил бы Ань Но увидеть свое жилье: сырой, тесный и грязный подвал. Ему самому было тошно туда заходить, не то что гостей звать. И к тому же, — Бай Ичэнь горько усмехнулся про себя, — какой холодильник? Какие напитки? У него даже лишнего стакана не водилось.

Ань Но смотрел, как Бай Ичэнь, слегка покачиваясь, уходит вглубь двора. Тусклые фонари отбрасывали густые тени от кустов, и казалось, что темнота вот-вот проглотит его хрупкую фигуру.

Ань Но заставил себя завести мотор. Ему безумно хотелось догнать его, подставить плечо, проводить до самых дверей, но он резко выжал сцепление и рванул с места. Нужно остыть. Нужно хорошенько подумать. Похоже, его чувства к Бай Ичэню начали выходить за рамки дозволенного.

Бай Ичэнь по привычке ополоснулся ледяной водой из-под крана, но жара внутри не унималась. Он ворочался на узкой койке, раз за разом прокручивая в голове тот момент, когда Ань Но прижал его к себе. Вспоминал его голос — в нем слышались и упрек, и нежность, когда он называл его «глупым мальчишкой». Хмель еще не выветрился окончательно, и это чувство щемящего счастья не давало уснуть.

Ань Но тоже было не до сна. Он не был наивным подростком. Годы в полицейской академии и работа в мужском коллективе научили его распознавать опасные звоночки. Ледяной душ не помог: даже в комнате, где кондиционер был выкручен на двадцать два градуса, Ань Но задыхался от внутреннего жара.

То, как Бай Ичэнь льнул к нему, как крепко обнимал за талию... Это пробудило в нем не просто жалость, а нечто гораздо более глубокое. Профессиональное чутье вопило: это опасно. Опасно для него, и смертельно опасно для самого Бай Ичэня, учитывая, кто такой Ань Но на самом деле.

Ань Но со стоном накрыл голову подушкой. Он должен держаться от него подальше.

Да, именно так. Подальше от Бай Ичэня! Даже если Сунь Фэн говорит, что парень «чист», в их деле нельзя рисковать. Если он правда ни при чем, близость с копом под прикрытием только подставит его под удар. Ради него же самого нужно оборвать эту связь.

Ань Но повторял это как мантру, пытаясь убедить самого себя.

Пусть эта ночь скорее закончится.

<http://bllate.org/book/18167/1749441>